Настоящее время: Март – Ланниспорт: Санса

«Мисс Старк?» — голос на другом конце был авторитетным и почти бесстрастным в своей подаче.

Плохое чувство поселилось в желудке Сансы.

— Да? Голос Сансы дрогнул, когда она ответила на звонок с неизвестного номера.

Она только что пришла из лекции об упадке дома Ланнистеров, в которой профессор утверждал, что в тот момент, когда Тирион убил своего отца, все было потеряно для великого дома с запада. Санса категорически не согласилась, думая, что все это восходит к королю Эйрису и его одержимости Джоанной Ланнистер и его ненависти к Тайвину.

Ей сказали, что ее дубль отдает слишком много чести Безумному Королю и его влиянию на дом из Вестерлендов, но Санса твердо держалась в своем положении. Мысль о смерти Тириона в молодом возрасте и о влиянии, которое это окажет на Дом Ланнистеров, была постоянной мыслью в голове Сансы в последние несколько месяцев. С тех пор, как она мечтала.

В общем, она чувствовала себя бодрой, когда они покинули класс, а Марг и Под качали головами на нее.

Ранее они посещали класс, посвященный Джейме Ланнистеру и Бриенне из отношений Тарта.

Хотя Санса не так увлекателен, как его отец, у него было немного мягкое место для золотого льва. В конце концов, он был любимым сыном Тайвина. И в истории Джейме были вещи, которые, по мнению Сансы, сделали его по-настоящему трагическим, в том числе то, что его называли убийцей королей и клятвопреступником вместо того, чтобы считать героем, которым он был. Насколько другой была бы его жизнь, если бы его не назвали так несправедливо?

Конечно, он был таким же сложным персонажем, как и любой из них, и принял некоторые действительно ужасные решения в своей жизни. Но именно поэтому Санса любила изучать этот период времени; было такое множество разнообразных мнений по этому вопросу, что дебаты в их мастер-классе были по-настоящему захватывающими.

Теперь, однако, она пыталась сосредоточиться на том, что говорил мужчина на другом конце телефона.

Он прочистил горло, а затем начал говорить, ее душераздирающее.

«Я полицейский, мисс Старк, в Винтертауне. Речь идет о твоем отце и твоем дяде».

Отрицание пронеслось сквозь нее.

— Нет, — пробормотала она.

Она поговорила со своим отцом сегодня утром прямо перед тем, как он и дядя Бен отправились в свою семейную хижину, чтобы ловить лед. Зима держалась на севере, ее ледяная хватка не ослабевала в марте.

Что это было за поговорка? Как лев и как ягненок? Они смеялись, когда Санса пожелала им удачи, а затем продолжила свой день. Она взглянула на часы; Винтертаун был на три часа позади Ланниспорта, так что было 10 утра на север. Что на земле могло произойти?

«Мне жаль сообщать вам, г-жа Старк, что произошел несчастный случай. Похоже, что пьяный водитель оказался в лобовом столкновении с вашим отцом и вашим дядей. Он ударил грузовик вашего отца, и это заставило его проехать через набережную и в озеро внизу. К тому времени, когда мы добрались туда, все, что мы могли сделать, это восстановить тела».

Санса рухнула на твердую брусчатку университетских дорожек, не в силах обработать слова, которые только что разрушили весь ее мир.

" Санса!" Марг закричала от тревоги, опустившись рядом со своей подругой, когда Под схватил ее телефон. Санса почувствовала, как ее живот вздрагивает, в то время как черные пятна танцуют в ее глазах.

Ее отец был мертв. Потерянный. Отняли у нее, как у матери и брата. И дядя Бен тоже. Она была совсем одна в этом мире!

Она сухо вздрогнула, но ничего не вышло, когда мир начал вращаться.

«Что, черт возьми, происходит?» — прозвучал резкий голос Бронна.

«Не знаю. Она получила телефонный звонок и просто рухнула», — ответила Марг, переведя Сансу на руки Бронна.

Все трое посмотрели на Пода, когда он повесил трубку и покачал головой. Он выглядел разбитым.

«Это ее отец и ее дядя».

— Нет, — сказала Марг, качая головой.

Она все время подслушивала Сансу о том, как она близка с ними обоими, но она была рада за свою подругу, что у нее была такая любящая, хотя и маленькая, семья.

«Черт возьми», — пробормотал Бронн, сочувствуя лучшему другу своей подруги.

«Помоги мне, Под», — сказал он, предлагая ему принять ее другую сторону. Вместе они доставили ее во внедорожник Марг и погрузили внутрь.

— Что мы делаем?

«Она не может быть одна», — сказал Под, решительно взглянув на свое красивое лицо. «Она просто потеряла всю свою семью. Приведи ее ко мне».

«Ты уверен, что твоему соседу по комнате будет все равно?»

Под покачал головой. «Нет. Он может быть ослом, но он поймет».

Санса услышала все это сквозь туман. Единственное, что повторялось в ее мозгу, были слова о том, что ее отец мертв.

Она была сиротой, поняла она, где-то между третьим и пятым бокалом виски, который они заставили ее выпить, пытаясь заставить ее поговорить с ними.

Марг, Бронн, Под и сосед по комнате Пода, какой-то огромный парень по имени Сандор, парили над ней, пока она не встала, не бросилась в ванную и не выбросила алкоголь в ее

систему. Она ценила то, что они пытались сделать, но это было слишком много. Когда она вернулась, она попросила, чтобы ее забрали домой. Они утверждали, что ей нужны друзья, и, возможно, они были правы.

Но в ее маленькой квартире у нее была старая толстовка ее отца и его фотографии. Книгу, которую она взяла с собой на Рождество из его библиотеки и собственной кровати. Ей хотелось заползти в яму и плакать, пока ее просто не сметет, чтобы следовать за своей семьей в потустороннее. Все они оставили ее здесь, одну в этом мире. Наконец, ее друзья смягчились и забрали ее домой.

Когда она заверила Марг, что зарегистрируется позже, и снова обняла Пода, Санса закрыла дверь и рухнула на нее, сильные вздымающиеся рыдания разрывали ее тонкую раму. Она разорвала гвоздь, так что кровь из него просочилась на ее львиное кольцо. Она бы не узнала себя, если бы смогла увидеть себя; острые рыдания были вырваны из самых глубин ее души. Все ее тело дрожало, когда она пыталась проглотить воздух, весь ее мир рушился, подавляющее горе, которое, как она думала, может быть раздавлено под ним.

Она понятия не имела, как жить в этом мире без своего отца, и понятия не имела, хочет ли она этого.

Прошлое: Кастерли Рок — Тайвин

Сегодняшнее видение отличалось от любого, которое он когда-либо видел. Он наткнулся на Сансу в таком состоянии, что Тайвин беспокоился, что она может нанести себе физический вред. Как будто нить соединила их, и он знал, что с ней случилось что-то катастрофическое. Он видел, как она рыдала и рвала волосы, ее ногти впивались в кожу головы, как будто физическая боль могла смягчить эмоциональную боль, которую она испытывала.

Он рычал, что не в состоянии ничего сделать, предложить ей какое-либо утешение, способный быть вуайеристом только в самое отчаянное время. В конце концов, она заползла глубже в свой дом, натянула на себя одеяло и схватила книгу.

Она рыдала, перелистывая страницы, и шептала: «Папа».

Черт возьми, подумал Тайвин, зная, что должно было произойти. Он видел и чувствовал горе только раньше в своей жизни, когда Джоанна вздрогнула до последнего вздоха перед тем, как жизнь покинула ее. Его сердце, которое он долгое время считал мертвым, мучительно стучало за то, что переживала Санса. Этот первый укус горя был тем, который она никогда не забудет, и даже если бы он смог добраться до нее, она была бы слишком потеряна в своей собственной боли, чтобы даже заметить кого-то еще.

По какой-то причине видение не исчезло сегодня вечером, и Тайвин наблюдала, как она свернулась калачиком на предмете мебели, никогда не утруждая себя приготовлением пищи или зажиганием свечи. Вместо этого она плакала в темноте, в одиночестве, когда она прижимала книгу к груди и оплакивала человека, которого любила больше всего, в то время как Тайвин был беспомощен, чтобы сделать что-либо, чтобы помочь ей.

Следующее видение было на том же кладбище, где Тайвин видел ее раньше, только на этот раз при дневном свете. Он понятия не имел, почему он видит ее таким образом, но она стояла перед двумя большими зияющими отверстиями, наблюдая, как гробы вот-вот будут опущены в мерзлую землю.

Она была бледной, худой, чем он когда-либо видел ее, и одинокой. Так больно одна, даже когда

люди окружали ее. Тайвин увидел, как она положила какой-то красный цветок на гроб, который был подвешен над открытой могилой, прежде чем она покачалась, и была поймана двумя мужчинами, которых Тайвин видел с ней в ту ночь, когда она надела это короткое золотое платье.

«Я люблю тебя, папа. Я люблю тебя, дядя Бен».

Ее рука задержалась на вершине сверкающего дерева, и Тайвин знала, что она чувствует, даже если она никогда не признается в этом. Она хотела, чтобы она могла заползти с ними внутрь, следовать за ними туда, куда они пошли. Он слишком хорошо знал это чувство и провел годы, задаваясь вопросом, не слишком ли он труслив, чтобы следовать за своей женой в загробную жизнь.

Оба мужчины? Тайвин подумал, потрясенный такой потерей для кого-то такого молодого. Затем он наблюдал, как они опустили гробы в мерзлую землю, и собравшаяся толпа рассеялась, пока на кладбище не оказалась только она и ее друзья.

«Санса, тебе нужно вернуться в Ланниспорт. Мы беспокоимся о тебе».

Она подарила женщине, Марг, улыбку.

«Я знаю. Я буду».

«Дали ли вам какую-нибудь слабину в выполнении заданий?»

«Да, Под. У них есть».

Тайвин могла сказать, что ее нисколько не волнуют задания или то, что думают ее друзья. Она была разбита, разбита сердцем и скорбела. И кто может обвинить ее? Он хотел накричать на них, чтобы они перестали приставать к ней, что она теперь одна и полностью уничтожена.

«Я в порядке, ребята. Я встречусь с тобой в доме. Мне просто нужно немного времени в одиночестве».

Они втроем обменялись взглядом, который ясно сказал, что они не думают, что с ней все в порядке, а затем обняли ее, неохотно оставив ее одну, с двумя зияющими могилами. Единственное, что оставалось, это заполнить их, где мужчины, которых она любила, навсегда останутся отдельно от нее.

— Мисс?

Она фыркнула и посмотрела на двух рабочих. «Мне нужен еще один момент».

Они кивнули и исчезли из поля зрения Тайвин, пока она не осталась совсем одна.

«Я не знаю, как это сделать, папа, не без тебя. Ты никогда не будешь рядом, когда я влюблюсь или пойду на первое свидание с моим будущим мужем. Ты не будешь там, когда я получу степень магистра или свою первую работу преподавателя, следуя по твоим стопам».

Она рыдала и кусала руку в перчатке, тянусь к чему-то, чего там не было.

«Ты никогда не встретишь моих детей и не услышишь, как они называют тебя папой. Ты не будешь там, чтобы вести меня под венец к моему будущему. И я чувствую себя такой эгоистичной, потому что я знаю, как сильно ты любишь маму, и теперь ты с ней. Но это просто

я совсем один; никого не осталось, папа. И я так злюсь и грущу, и я понятия не имею, как я когда-нибудь буду счастлив снова».

Ее стройная рама снова была изрешечена рыданиями, и Тайвин почувствовал, что она сорвала рану с его собственного горя по Джоанне, которую, как он думал, он давно похоронил. Он убил бы кого-нибудь, если бы мог просто протянуть руку и утешить ее.

Но он уже чувствовал, как она исчезает из его поля зрения, образ ее рушащейся на колени обжигал его разум. Настолько, что Тайвин не думал о чем-то еще в течение следующих нескольких месяцев, когда бушевала война, и его сердце разбивалось о женщине, которую он никогда не узнает.

Настоящее время: Апрель – Ланниспорт – Санса

Санса имитировала улыбку, когда Под упал рядом с ней в кафе, где они договорились встретиться, чтобы подготовиться к финалу. Каким-то образом, благодаря упорству своих друзей, никогда не отказываясь от нее, и сочувствию со стороны ее профессоров (и то, что Санса подозревала, было значительным пожертвованием Олеанны Тирелл в школу), Санса не была в опасности провалить свой второй семестр.

Струч осторожно щелкнул ее носом, когда он предложил ей свое плечо.

«Я знаю, что ты притворяешься, Сан».

«Я есть», — сказала она.

Недавно она обнаружила, что у нее нет фильтра. Она сказала это так, как увидела.

И у нее было очень мало энтузиазма по отношению к чему-либо.

Потребовались титанические усилия, чтобы вернуться на Запад и закончить этот семестр. Она чувствовала себя плывущей по течению, привязанной ни к чему, даже к учебе, которая всегда доставляла ей столько радости.

После похорон Санса хотела остаться в семейном доме, завернувшись в одежду отца и просто скорбеть. Но Марг и Под были неумолимы, даже угрожая физически отправить Сандора и Бронна, чтобы привести ее домой.

Дома, с горечью подумала она. У нее не было дома. Нет семьи.

Ей было двадцать два года, она была сиротой. Все Старки были мертвы, и семья ее матери никогда не была частью ее жизни. Оба ее бабушки и дедушки были мертвы, ее дядя Эдмур , человек, с которым она даже никогда не разговаривала, и ее тетя Лиза, горькая женщина, с которой ее отец отказался общаться.

Нет, самое близкое, что было у Сансы к семье, были ее два друга, Марг и Под.

Насколько это было жалко?

Она могла бы пожалеть себя, если бы могла что-то почувствовать, но все, что она чувствовала, было онемением — бесконечные дни онемения.

Только благодаря своей эйдетической памяти и обширным знаниям своего предмета у нее даже появилась надежда на прохождение финала. Не то, чтобы ее это даже волновало. Она не

говорила об этом Поду или Маргу, но она серьезно сомневалась в том, что в следующем году она даже продолжит.

Оказалось, что ее отец был вкладчиком, и хотя они жили простой жизнью, у Неда Старка было хорошее гнездовое яйцо и отличный полис страхования жизни. Это означало, что Санса была богатой женщиной, а не Богатой Марг Тирелл, но она могла долго жить на сбережения своего отца.

Несмотря на их протесты, Санса отправилась домой на лето. Марг и Под оба прошли желанную стажировку у профессоров в Lannisport U, но Санса даже не ответила на звонки, когда они пытались организовать для нее интервью. Ей нужно было уйти из Вестерландов и вернуться домой на Север.

Она прошла через экзамены, и, хотя она знала, что сдала, она не могла выработать достаточно эмоций, чтобы заботиться. Все было серым, даже яркие солнечные дни в Вестерландах.

Под и Марг с грустными лицами наблюдали, как Санса заполняла свою крошечную квартиру. Она вспомнила девять месяцев назад, когда ее отец перевез ее сюда и их поездку в конце августа через руины Кастерли-Рок. Все они знали, что она не вернется, даже если она этого не сказала.

Она крепко обняла их, а затем села в свою машину, мысленно готовясь к долгой дороге домой.

Прежде чем покинуть Ланниспорт, она совершила последнюю поездку к Скале, ее маленькая машина была плотно упакована всеми ее вещами. Оказавшись внутри Скалы, она провела руками по камням, проскользнув в то, что, как она теперь знала, было главной спальней. Она вздохнула и прижала лоб к камням, желая, чтобы они могли предложить ей некоторое облегчение от этой бесконечной, грызущей боли. Она чувствовала себя опустошенной и пустой, как будто ничто не могло сделать ее снова счастливой.

Шероховатый камень порезал ей руку, но она едва заметила, слишком теряясь в своих воспоминаниях и горе, чтобы увидеть воздух, почти шимми вокруг нее. Ее глаза были плотно закрыты, когда она говорила в пустую комнату.

Тайвин посмотрел со своего стола в свои покрывала, слабый свет исходил от каменной стены, которая была вдоль стороны, где было Сансет-море. Он испугался и ущипнул себя, подтвердив, что проснулся. Каким-то образом Санса стояла прямо там, но это было так, как будто она была окутана туманом. Он поднялся, пока не остановился, и пошел к ней, его сердце сжималось при взгляде боли на ее лице.

«Мне нравилось, когда ты привел меня сюда, папа. Какой другой отец охотно потакал бы странной одержимости своей дочери таким человеком, как Тайвин Ланнистер».

Она немного рассмеялась, и Тайвин был поражен.

Она была одержима им?

«Я ухожу, папа. Покидая Ланниспорт. Я знаю, что вы бы сказали мне не торопиться, не принимать никаких необдуманных решений. Но я так сломлен, так потерян. Я направляюсь домой на север. Это единственное место, где я чувствую себя рядом с тобой. Я знаю, что вы, вероятно, разочарованы во мне, что вы поощряете меня не сдаваться. Но я не знаю, как сделать это в одиночку».

Она издала еще один болезненный хныканье, и Тайвин на короткое мгновение поклялся; его рука покоилась ей на плече. Она расслабилась, когда он прикоснулся к ней, и улыбнулась в первый раз в том, что казалось вечным. Затем она вздохнула.

«Может быть, ты здесь, присматриваешь за мной. Спасибо, папа, за то, что дал мне все. Мне жаль, что я подведу тебя».

Тогда Санса прижала губы к камням Кастерли Рок. «Я думал, что это то, где мое будущее, но все, что оно принесло мне, это душевная боль. До свидания».

После этого она оттолкнулась от древних камней и поспешила выйти из комнаты, оставив Тайвина задыхаться от воздуха, когда она исчезла, оставив его стоять в одиночестве, как он всегда был в своей комнате на Западе.

Санса добралась до своей машины, поняв, что она все еще носит кольцо львиного сигила на пальце.

Она намеревалась поместить его обратно в укрытие. Она знала, что никогда не должна была принимать его, но она просто не могла вернуться внутрь. На мгновение она почувствовала утешение, как будто какая-то невидимая рука легла ей на плечо, но она двигалась, и это чувство исчезло.

Теперь она просто хотела быть дома, и когда она отъехала от Скалы, она заставила себя не оглядываться назад. Пришло время двигаться дальше и оставить все это позади. Может быть, на Севере она могла бы снова найти себя и начать исцелять свое разбитое сердце.

Санса была дома в течение недели и проводила все больше и больше времени на кладбище. Поскольку она потеряла связь со всеми своими друзьями из средней школы, и она регулярно проверяла Пода и Марга, в ее жизни буквально не было никого, кто мог бы сказать ей, что она ведет себя как сумасшедший. Поэтому она ничего не сделала, чтобы удержать себя от бесчисленных часов, сидя на фоне белого дерева сердца, где была похоронена вся ее семья, разговаривая со своим отцом.

Она отложила свой распорядок дня и принесла маленькую пачку, которая включала одеяло, журнал и термос с кофе. Это было единственное место, где она чувствовала, что не тонет в своем горе. Большую часть ночей, чтобы заснуть, она принимала снотворное, которое ей прописал врач в Ланниспорте, иначе ее бессонница сделала так, что она едва могла функционировать на следующий день.

Санса знала, что сейчас она опасно худая; Еда не имела никакой привлекательности, и никто не был рядом, чтобы отругать ее за то, что она не ест. Она не могла вспомнить, когда в последний раз покупала продукты, и когда она ела, она питалась фаст-фудом, а затем забывала поесть еще день или два, что делало это бесконечным нездоровым циклом. Ее когда-то блестящие волосы казались долговязыми, и отчаянно нуждаясь в стрижке, ее ногти были рваными и неопрятными, и если бы она нанесла макияж в последние восемь недель, она не могла вспомнить, когда.

Испытывая отвращение, она, наконец, потащила себя в салон для полного лица, маникюра, воска и стрижки. Но это только оттолкнуло ее горе на короткое время, прежде чем она вернулась на кладбище.

Она избегала всех личных звонков с Марг и Подом, хотя она начинала подозревать, что они знали, что что-то не так. Тем не менее, они были заняты своими стажировками и оставили ее в

покое по большей части.

Один.

Такова была она.

Дрейфуйте в этом мире, не имея ни одного троса, чтобы удержать ее здесь. Она вообще перестала видеть сны о Тайвине, подозревая, что снотворное подавляет ее естественное состояние REM, так что она часто просыпалась неуклюжей и неуверенной, было ли это утром или ночью.

Она даже не начала заниматься уборкой вещей своего отца из его комнаты, не в состоянии даже ступить в нее. Даже проходя мимо, он вызывал у нее приступ слез и рыданий, от которых требовались часы, чтобы оправиться.

Вот почему ей было все равно, если кто-то подумал, что она сумасшедшая, когда она установила свое маленькое одеяло под деревом в конце вторника днем в апреле.

Сотрудники, которые содержали кладбище, улыбались ей, жалели во взглядах и давали ей широкие роды. Один мужчина, возможно, немного старше ее отца, зашел в конце своей смены.

«Шторм на подходе, промахитесь».

— Спасибо, — сказала Санса, улыбаясь ему.

Как будто ей было все равно, если на нее пошел дождь. Или больной.

Мужчина покачал головой на нее, а затем был в пути, когда Санса откинулась назад и ни на что не посмотрела. Иногда она говорила, но часто не говорила, теряясь в своих воспоминаниях о себе и отце. Сегодня она была рада, что натянула дождевик и сапоги, потому что земля была грязной, и если бы шторм действительно наступил, она, по крайней мере, была бы несколько защищена.

«Жаль, что я не жил там, где не было машин. Никаких обледенелых дорог, чтобы вызвать аварии, никаких идиотских пьяных водителей, чтобы украсть мою семью».

Она горько рассмеялась, зная, что она жалкая. При желании были лошади и вся эта чушь. Все желающие в мире не вернули бы отца.

Она была настолько потеряна в своих воспоминаниях, что, когда поднялись серые серые облака, ветер хлестал вокруг нее, она едва успела среагировать. Санса слишком поздно поняла, что это опасный весенний шторм, а не просто моросящий дождь, к которому они привыкли.

Град размером с мяч для гольфа обрушился на нее, когда она карабкалась, чтобы собрать свои вещи. В тот момент, когда молния ударила в дерево неподалеку и прогремел гром, она поняла, что не хочет просто угаснуть – что ей страшно и, на самом деле, хочется жить.

«Дерьмо», — прошептала она, — дождь внезапно сделал все трудноразличимым.

Санса прижалась одной рукой к дереву, но было уже слишком поздно. Она поскользнулась на грязной земле, разбив голову о дерево в плотине.

По мере того, как были известны раны головы, она начала сильно кровоточить и чувствовала

себя неловко. Она рухнула, головокружение вскоре настигло ее, пока она не закрыла глаза, тьма, ощущающая ее, как ее кровь, густая и горячая, теперь пробежала по ее руке, львиному сигильному кольцу и корням древнего дерева, которое стояло тысячи лет на Севере.

Затем раздался огромный треск молнии, и когда буря ослабла, единственное, что указывало на то, что Санса Старк сидела на кладбище, это ее блокнот, ее одеяло и полный, хотя теперь и холодный термос с кофе.

Санса Старк бесследно исчезла.

Прошлое: Кастерли Рок — Тайвин

Тайвин был в состоянии в течение нескольких недель с тех пор, как он в последний раз «видел» Сансу в своей комнате. У него больше не было видений о ней, больше не было понимания того, что случилось с ней после того, как она покинула Скалу. Он знал, что видел ее раньше, когда она была дома на Севере, но теперь казалось, что что-то мешает ему добраться до нее.

Это заставило его беспокоиться за женщину, что он даже не сможет дотянуться, если попытается, и сделало его обычно суровое поведение еще более холодным и резким. Даже Кеван начал избегать его.

Дело не помогло, когда он получил известие о победе повстанцев в Стоуни-Сент. Он собрал своих братьев и сестер, чтобы поделиться с ними новостями об их победе и требованием помощи со стороны столицы.

Хостер Талли был ранен, в то время как лорд Аррен потерял своего наследника в бою. Похоже, что Роберт снова появился в критический момент, чтобы нанести решающий удар. Хотя Джон Коннингтон сбежал, король в ярости».

Тайгетт презрительно фыркнул. «Мы должны сражаться на их стороне, а не прятаться на нашей Скале!»

Тайвин хорошо знал о желании брата вступить в войну; Тайгетт никогда не упускал возможности высказать свое мнение.

«Прочитайте это и скажите мне, что у меня нет причин быть осторожным», — огрызнулся Тайвин, засунув пергамент в лицо Тайгу. Наступила затяжная тишина, пока Тайг не встал и не шагнул по комнате.

«Он использует твоего сына в качестве рычага, чтобы держать тебя в узде, брат».

Мир бушевал так же свирепо, как буря снаружи, дождь сердито хлестал по стенам Скалы, в то время как гремел гром и молнии освещали ночное небо. Сегодня вечером в буре было зловещее чувство, как будто она была потусторонней, и Тайвин ничего не сказал на оскорбление Тайгетта. Он был осторожен, а не труслив, с жизнью Джейме в равновесии.

Вместо этого Тайвин поднялся, изнеможая его за пятки. Возможно, ему следует призвать свои знамена и отправиться в Королевскую Гавань; было бы время решить, придет ли он в качестве друга или врага. Ближе к столице можно было бы извлечь Хайме, чтобы донести до сына известие, что Безумный Король угрожает ему.

«Я приму свое решение в течение двух недель, Тиг, и никто, даже ты, не заставит меня сделать это до этого. Будьте готовы», — это все, что он сказал, выходя из семейного солнца, в поисках

своей кровати.

Он скучал по Сансе; он понял, готовясь в ту ночь ко сну. Так долго Джоанна занимала его мысли, а теперь ее вытолкнула другая женщина. Он знал, через что проходит Санса, жгучую боль и мучительное горе, которое пришло от потери той, которую вы так сильно любили, и ему было больно иметь возможность утешить ее.

Еще хуже было то, что у него не было возможности узнать, как она справляется со смертью своего отца. Тем не менее, он ничего не мог сделать, чтобы заставить ее, только молиться какому-то богу, чтобы ему была предоставлена отсрочка и он снова увидел ее. Это была не большая жизнь, но это было больше, чем у него было так долго.

Когда пришло видение, облегчение, которое почувствовал Тайвин, было ощутимым. Она была на своем кладбище, выглядя худой, бледной и бледной. Он знал, что горе измотало ее, и, хотя она все еще была красива, у нее была пустота. Она едва разговаривала со старшим мужчиной, который напоминал ей о надвигающейся буре, и страх наполнил Тайвина. Он хотел, чтобы он мог кричать на нее, чтобы она ушла, чтобы добраться до безопасного места, но он мог только беспомощно наблюдать, как она изо всех сил пыталась встать на ноги, когда буря бушевала вокруг нее, слишком долго ожидая, чтобы покинуть грязную землю.

Она споткнулась и почти поймала себя, прежде чем споткнулась и разбила голову о дерево, отвратительный газ открылся. Она смялась на землю, и Тайвин завыл от своего бессилия, чтобы добраться до нее, наблюдая, как ее кровь стекала по ее лицу, а затем по ее руке.

Именно тогда он это увидел.

Кольцо львиного сигила на пальце.

Это было его кольцо - на пальце!

Как? Он заинтересовался.

Затем большой треск молнии осветил небо, и видение закружилось, когда Санса исчезла. Но вместо того, чтобы потерять ее в видении, Тайвин следовал за ним до тех пор, пока не увидел, как она задыхается и сидит в постели.

Только это была не современная кровать, и в течение одного короткого мгновения он задавался вопросом, куда и, что более важно, в какое время она ушла. Затем молния заполнила камеру, и все осколки встали на свои места.

??????? – Санса

Когда Санса открыла глаза, она сразу поняла, что случилось что-то очень неправильное. Комната, в которой она находилась, была темной и решительно пахла. Он пахнул жиром и ощущался как шерсть животных, возможно, солома. Была тишина, которую Санса никогда не знала ни в одном современном здании, и ее сердце билось. Она лежала в постели, не одетая в ту одежду, которую надела сегодня утром; вместо этого она была в какой-то ночной рубашке, которая подходила к ее шее. Покровы ощущались неправильными, почти царапающимися и абразивными на ее коже.

Она хныкала, желая увидеть что-нибудь, что угодно. Трещина молнии осветила комнату, и она поняла, что ее нет ни дома, ни на кладбище. На самом деле, она понятия не имела, где она находится. Она, должно быть, кричала, что дверь открылась, и появилась женщина, тоже в

одежде для сна, со свечой.

«Моя госпожа?» — спросила она, с обеспокоенным выражением лица. «Я слышал, как ты кричал. Все ли в порядке?»

Санса покачала головой. Затем она тяжело проглотила. У нее было ужасное чувство о том, когда, если не где, она может быть.

«Пожалуйста, не могли бы вы побаловать меня на мгновение?»

Женщина кивнула.

— Какой это год?

Женщина нахмурилась. «283 Моя леди».

Санса почувствовала себя бледной, и ее дыхание учащалось.

— А где я?

«Ривердан, моя леди. В ваших покоях».

Сердце Сансы билось. Как это было возможно? И осмелилась ли она узнать ответ на следующий вопрос? Тем не менее, ей пришлось это сделать, поэтому она прочистила горло.

— А если хочешь, то как меня зовут?

Слуга нахмурился.

«Госпожа моя, может быть, я должен разбудить твою сестру...» женщина повернулась, чтобы уйти, явно чувствуя, что с Сансой что-то не так. Она не могла разбудить свою «сестру»; это было бы катастрофой.

" Нет!" Санса закричала. Женщина повернулась к ней спиной, все еще нахмурившись. «Пожалуйста, не делайте этого. Просто побалуйте меня. Мне приснился кошмар, и мне просто нужно услышать, как вы произносите мое имя».

Женщина, казалось, не купилась на свою историю ни на минуту, но, по-видимому, слишком хорошо обучена, чтобы не прислушиваться к тем, на кого она работала, она кивнула.

«Вы леди Санса Талли, истиннорожденная дворянка и первенец, дочь лорда Хостера Талли и его жены Минисы».

Каким-то образом Сансе удалось заикаться с благодарностью, прежде чем женщина посмотрела на нее забавным взглядом и закрыла дверь. Санса погрузилась обратно в кровать, ее разум мчался, задаваясь вопросом, что, черт возьми, случилось, чтобы отправить ее обратно в такое время и место?

Зная, что она не будет спать, Санса лежала в своей постели, в Ривердане, слишком ошеломленная, чтобы сделать что-либо, кроме как попытаться выяснить, как в аду она может выжить, возвращаясь почти на семнадцать сотен лет назад в прошлое, которое было кровавым, жестоким и явно недобрым к женщинам. У нее были всевозможные воспоминания, которые, как она знала, были фальшивыми о ее жизни в качестве Сансы Талли.

Так же, как рассвет прорвался за горизонт, преследуя последний дождь от шторма накануне вечером, единственная мысль, за которую Санса могла зацепиться, заключалась в том, что она должна была сделать все, что в ее силах, чтобы найти путь обратно в свое будущее.

А потом она успокоилась.

Зачем? Что ждало ее в будущем? Ничто.

Она была там одна - такая же одна, как и здесь.

Наполненная свежим горем и новым отчаянием, Санса рыдала, позволяя всему, что с ней произошло, наполнить ее, пока ее мозг, сердце и само существо не были настолько охвачены эмоциями, что ее тело буквально закрылось.

Она погрузилась в глубокий сон, где мужчина с золотыми волосами и зелеными глазами пообещал, что придет за ней.

Кастерли Рок — Тайвин

Тайвин сидел в постели, едва желая поверить в увиденное. Молния, которая была в его видении, треснула и осветила его комнату, когда его разум пытался ассимилировать старые и новые воспоминания. Как будто его разум сплетал две истории вместе, и он знал как то, что было раньше, так и то, что теперь, как он предполагал, является новой реальностью. Он понятия не имел, что такое магия, только то, что он знал три вещи, чтобы быть правдой.

Санса Старк больше не была в будущем.

Санса Старк больше не была Сансой Старк. Это была Санса Талли.

И Санса Старк нуждалась в нем.

Говорили, что Великий Лев почти никогда не улыбался, но сегодня вечером он улыбнулся. Он знал, где находится Санса, и, отбросив свои чехлы, помчался одеваться. Ему нужно было подтверждение, и был только один человек, которого он мог спросить.

В течение многих лет после той ночи, когда бушевала великая буря, слуги говорили о том моменте, когда Великий Лев мчался из своих покрывал, улыбку, подобную той, которую они никогда не видели на его лице, пока он не достиг комнаты своего брата и не постучал, ускользая внутрь и прочь от их посторонних глаз.

— Кеван, — прошипел Тайвин, увидев в их постели бугристые фигуры брата и жены.

Тайвин стучал о стул, когда ни один из них не двигался, наблюдая, как его брат сидит, дезориентированный.

«Тайвин?» — сказал он, сонно потирая глаза. «Что в семи адах ты здесь делаешь?»

«Кеван, сколько дочерей у Хостера Талли?»

— Прости меня?

«Сколько дочерей у Хостера Талли?» — снова спросил Тайвин, настаивая. Ему было все равно, звучал ли он сумасшедшим; ему нужно было знать!

К этому времени Кеван споткнулся о свою солнечную батарею и взглянул на своего брата. Кеван редко пересекался с ним, но теперь он был.

— Что в семи аду происходит, Тайвин?

«Мне нужно знать, сколько дочерей у лорда Хостера Талли», — повторил Тайвин, как будто Кеван был медленным.

Кеван почесал голову, у которой торчали волосы.

«Три. Его старшая, леди Санса, которая в двадцать два года остается незамужней, является его фавориткой. Говорят, что Хостер потакал ей, желая позволить ей выйти замуж по любви».

Кеван пожал плечами: «Другие говорят, что он держится за лучший матч. Говорят, что она редкая красавица и невероятно умная, а также грамотная наездница и смертоносная с луком. Судя по всему, он чувствует, что она может быть королевой».

Тайвин едва слышал следующие слова Кевана, тепло распространялось через него. Сегодня вечером он лег спать, зная, что у Хостера Талли есть только две дочери: Кейтилин и Лиза. А теперь у него их было три. Санса не была плодом его воображения, безумных видений или глубочайших стремлений. Она была настоящей. И она была здесь.

Его вторая дочь, леди Кейтилин, двадцати одного года, теперь помолвлена с лордом Эддардом Старком, в то время как его третья дочь, Лиза, на два года моложе леди Сансы…»

Тайвин махнул нетерпеливой рукой. «Я слышал достаточно. Выспи, брат».

— Почему? Кеван позвал Тайвина, но выбежал из комнаты. Когда Великий Лев обернулся, чтобы посмотреть на своего любимого брата, улыбка треснула по его лицу.

«Потому что мы едем на Riverrun при первом свете».

Затем Тайвин ушел, и все, что Кеван мог сделать, это смотреть на пустую комнату, задаваясь вопросом, что на земле попало в Великого Льва. Затем, пожав плечами, Кеван вернулся в постель и к своей теплой и прекрасной жене, которая все глубже прижалась к его объятиям, выталкивая все мысли о Тайвине из его головы, зная, что он узнает, чего хочет его брат, когда придет время.

http://tl.rulate.ru/book/85704/2741163